

Внимание! В книге содержатся сцены физического насилия, обсуждаются идеи самоубийства, сексуального насилия (хотя и без его графического изображения), описаны злоупотребление алкоголем и пытки.

Книга не является историческим фэнтези или альтернативной историей. Это футуристическое произведение, описывающее совершенно другой мир, вдохновленный культурными элементами китайской истории. Присутствующие в ней исторические лица переосмыслены в ином жизненном контексте. Автор позволила себе значительную художественную свободу этого переосмысления, в частности в том, что касается происхождения исторических персонажей или их возраста относительно друг друга, ибо точное соответствие той или иной эпохе целью не ставилось. Чтобы получить представление о подлинной истории, рекомендуется обратиться к документальным источникам.

*Посвящается Ребекке Шеффер,
которая неизменно поддерживала меня на пути
от цифры в статистике к бойцу, достаточно сильному,
чтобы написать эту историю*

ПРОЛОГ

Хундуны¹ приближались. Целое стадо двигалось в ночной глуши, громыхая и поднимая темную бурю пыли. Их округлые, лишенные лиц тела, сделанные из дух-металла, мерцали в свете серебристого полумесяца и усыпавших небо звезд.

Пилоту послабее пришлось бы сначала побороть страх, а уж потом выходить на битву с ними, но Ян Гуан сохранял хладнокровие. У подножия сторожевой башни, расположенной сразу за Великой стеной, он разбудил свою хризалиду² — Девятихвостую Лисицу, огромную, высотой с семи-или восьмиэтажное здание, щетинистую и зеленую. Тяжелая поступь ее металлических когтистых лап сотрясла землю.

Хризалида — не обычная боевая машина. Ян Гуан управлял ею не с помощью штурвала или рычагов, как в случае с электрической каретой или планолетом. Нет, он становился ею. Пока его тело, обхватившее руками пилота-наложницу, недвижно покоилось в кабине, мозг командовал Лисицей, бросая ее в атаку на приближающееся стадо. По обеим

¹ Хундун (более точная транслитерация — хуньдунь) в переводе с китайского — «первичный мрак». Существо из китайской мифологии, воплощение изначального хаоса, из которого возникла Вселенная. Обычно описывается как мешок красного или бежевого цвета, без рта, глаз, ноздрей, ушей и головы, с шестью лапами и четырьмя крыльями. *Здесь и далее прим. пер.*

² Хризалида — куколка насекомых.

сторонам от Лисицы на большом расстоянии неслись вперед две другие хризалиды.

Через тонкие, как волоски, иголки, вживленные в позвоночник и соединявшие его с сиденьем пилота, Ян Гуан заряжал Лисицу энергией своего ци. Ци — жизненная субстанция, питающая все в мире: от роста листьев до пламени и движения небесных тел. Ян Гуан использовал не только свое ци — через нервную систему хризалиды он высасывал соки еще и из пилота-наложницы. Ее разум, слишком слабый, чтобы сопротивляться, затерялся где-то глубоко в разуме пилота. Обрывки ее воспоминаний нервировали его, но он старался не обращать на них внимания. Лучше знать о наложницах как можно меньше. От нее нужно только одно — отдать свое ци, умножая тем самым духовное давление, помогающее управлять такой крупной хризалидой.

Стайки разноцветных хундунов класса «Народ» приблизились к Ян Гуану первыми. Они были похожи на огромных металлических жуков, стремящихся покусать Лисицу и убить пилота. Их тела, тусклые в свете звезд, время от времени вспыхивали, выстреливая оружейное ци в виде ярких вспышек или трескучих молний. Если бы Ян Гуан встретился с ними в своем человеческом обличье, они бы нависли над ним, громадные, как дома, и мгновенно превратили бы его в пар. Но пока он пилотирует Лисицу, они для него слишком малы, чтобы причинить вред. Круша врагов в когтях Лисицы, он ощущал чужие эмоции: печаль, ужас, гнев — неконтролируемые и беспорядочные, как помехи. Гуан не знал, каким именно образом хризалид делают из хундунов, — доступ к подобным знаниям имели лишь инженеры высшего уровня, — но люди, вот уже несколько веков работавшие над боевыми машинами, так и не смогли избавиться их от этого дефекта. Протыкая оболочку хундуна, пилот чувствует то же, что чувствует противник.

Пилоты редко рассказывают публике о том, насколько тяжела эта часть битвы — сопротивление посторонним эмоциям.

Ян Гуан считался одним из самых сильных из ныне живущих пилотов именно потому, что умел отстраниться. Сопrotивляясь психологическому натиску, он продолжал громить хундунов. Девять лисьих хвостов с треском рассекали воздух позади, словно девять новых конечностей, со звучным лязгом отбрасывая врагов покрупнее.

Ян Гуан не испытывал к ним жалости. Хундуны — захватчики из космоса — стерли в пыль человеческую цивилизацию две тысячи лет назад и раскололи человечество на разрозненные племена. Если бы Желтый Властелин — легендарный вождь одного из племен, — воспользовавшись помощью богов, не изобрел хризалид, цивилизация никогда бы не восстановилась и вся планета принадлежала бы хундунам.

Видеодроны жужжали вокруг Лисицы, как красноглазые мухи. Часть из них принадлежала Армии освобождения человечества, других прислали частные медиакомпании, транслировавшие сражение по всей Хуася¹. Ян Гуан держался в состоянии наивысшей бдительности, не позволяя себе ошибиться, чтобы не разочаровать своих фанатов.

— Девятихвостая Лисица, в этой стае есть хундун класса «Принц», — раздался в динамиках крик военного стратега.

Ян Гуан удвоил бдительность. Хундун класса «Принц» — редкий противник, относящийся к тому же классу, что и Лисица. Если удастся захватить его с минимальными повреждениями, из него можно будет сделать новую хризалиду

¹ Хуася (Huaxia) — одно из неформальных самоназваний Китая, историческая концепция, представляющая китайскую нацию и цивилизацию и возникшая как результат осознания китайцами общности культурного и исторического наследия своих древних предков.

класса «Принц» или предложить богам в обмен на какие-нибудь крупные дары, например инструкции к прорывным технологиям или лекарства. И в случае победы боевой ранг самого Гуана резко повысится. Может, ему наконец удастся обскákat Ли Шиминя. Этот убийца все равно не заслуживает звания ведущего пилота.

Чтобы сделать точный выстрел, нужно придать Лисице более сложную форму.

— Син Тянь, прикрой меня! — крикнул он ближайшему товарищу через пасть Лисицы. Его голос, усиленный с помощью ци, прогремел над полем битвы. — Начинаю трансформацию!

— Есть, полковник! — проревел Син Тянь из Безголового Воина — хризалиды, чьи сверкающие желтые глаза располагались на месте сосков, а рот пылал на животе. Машина встала перед Лисицей и принялась крошить роящихся хундунов топором из дух-металла. Враги умирали, разбрасывая брызги света.

Получив защиту, Ян Гуан начал прогонять свое ци через Лисицу с самым мощным духовным давлением, на какое был способен. По щетинистой зеленой шкуре хризалиды побежали сияющие трещины.

Хотя хризалиды создавались из оболочек хундунов, они во всем затмевали своих предшественников. Безмозглые пузыри-хундуны не умели раскрывать потенциал того самого дух-металла, из которого были сделаны.

Но люди умели.

Ян Гуан представил себе Возвышенный Облик, и Лисица начала превращаться. Конечности удлинились и утончились, туловище сократилось, плечи откинулись назад. Машина теперь слегка напоминала человека. Девять хвостов заострились, как копья, и раскрылись веером в нижней части спины, подобно солнечным лучам. Так настоящие девятихвостые лисы топорщат хвосты, чтобы запугать

противников. Пилот поставил Лисицу на две ноги — его ци, подкрепленное более высоким духовным давлением, позволяло держать равновесие в такой позе. А значит, передние лапы хризалиды освободились для оружия.

Дотянувшись через плечо, Ян Гуан обхватил лапой хвост-копье, выдернул его из спины и бросился в бурлящую толпу хундунов. Наконец он обнаружил «Принца». Низко присел и подпрыгнул, оторвавшись от земли. Взлетело копье, росчерком лунного света нарисовало в ночи дугу и вонзилось в круглое тело хундуна — аморфное, если не считать шести ног, похожих на лапки жука. Дух-металл разлетелся на куски с эффектным дребезгом, словно взорвался склад фарфоровой посуды. Ян Гуан боролся с потоком гнева и ужаса, испускаемым врагом, пока свет из заполненного ци ядра хундуна не расплылся и не погас.

Восторженно закричали остальные хризалиды, отбивавшие натиск мерцающих хундунов. Видеодроны приблизились к оболочке «Принца», и Ян Гуан представил себе обывателей по всей Хуася, аплодирующих перед своими экранами. Его переполняло радостное возбуждение. Отклонившись назад, он выдернул копье из тела хундуна. И все-таки даже теперь, когда контакт прекратился, чужой страх по-прежнему метался в его голове.

Это страх наложницы поднимался в нем, как волна.

В такие моменты Ян Гуан понимал, что разум наложницы уже не сможет вернуться в ее тело. Сейчас пилот подсознательно контролировал ее полностью, включая сердцебиение. Когда он отделится от нее, сердце девушки остановится и она уйдет в потусторонний мир. Иного не дано.

Важно, что ее семья получит жирную компенсацию. Зная это, девушка упокоится с миром в Желтых Источниках.

Он не помнил, как ее звали. Постарался не запоминать. Он прошел через столько пилотов-наложниц, что уследить

за ними было невозможно, это ослабило, отвлекло бы его. А он не позволит себе отвлечься. Он должен защищать мир.

Она знала, на что шла. Она сама приняла решение поступить к нему на службу.

Ян Гуан сосредоточился на битве, продолжая крушить и пронзать копьем оставшихся хундунов. Пусть его фанаты знают: их родина пребудет в безопасности.

Благородная жертва наложницы была не напрасна.

ПРОСТО БАБОЧКА ИЛИ МОЯ МЕРТВАЯ СЕСТРА?

На протяжении восемнадцати лет сросшиеся брови спасали меня от продажи, а значит, от мучительной, ужасной смерти.

Сегодня я освобождаю брови от их милосердных услуг.

Вообще-то не я. Это Ичжи орудует пинцетом, который оставила моя сестра. Упираясь коленями в бамбуковую циновку, расстеленную на сырой лесной земле, мой друг держит меня за подбородок и выдергивает волосок за волоском. Кожа моя горит, словно ее медленно поджаривают. Иссиня-черные пряди его уложенных в прическу волос шуршат при каждом движении, скользя по бледному шелку его одеяния. Мои собственные волосы, значительно менее ухоженные, закручены в пучок и подвязаны рваной полоской ткани. Благодаря этой засаленной тряпочке пряди не падают мне на лицо.

Все это время я напускаю на себя невозмутимый вид. Но моя ошибка в том, что я слишком долго вглядывалась в деликатные черты Ичжи, стараясь запечатлеть их в памяти, чтобы было за что ухватиться в последние дни моей жизни. Желудок сжимается, что-то жаркое давит изнутри на глаза. Я зажмуриваюсь, пытаюсь загнать слезы назад,

но получается ровно наоборот — они прорываются на свободу. Да, так оно всегда и бывает.

Конечно, Ичжи их замечает и останавливается, чтобы выяснить, что случилось. Хотя у него и нет никаких поводов считать, что слезы — нечто большее, чем реакция на насилие над моей кожей.

Хоть он и понятия не имеет, что это наша последняя встреча.

— Ты в порядке, Цзэтянь? — шепчет он. Держащая пинцет рука застывает в воздухе, пропитанном паутиной брызг. Неподалеку от того места, где мы прячемся под низкорослыми деревьями, струится водопад, и стремительно несущийся поток заглушает наши голоса, мешая посторонним нас обнаружить.

— Была бы в порядке, если бы ты не останавливался то и дело. — Я закатываю припухшие глаза. — Давай уже. Не обращай внимания, прорвемся.

— Хорошо. Ладно.

Нахмуренный лоб разглаживается, лицо расцветает улыбкой, способной сломить меня окончательно. Ичжи вытирает мои глаза рукавами своих элегантных шелковых халатов, надетых один на другой. Это рукава богатого человека, слишком длинные и свободные, слишком непрактичные. Я подшучиваю над ними при каждой нашей встрече. Впрочем, справедливости ради, Ичжи не виноват в том, что его отец не позволяет ему и двадцати семи его братьям и сестрам покидать дворец, если они не наряжены в дорожную брендовую одежду.

Ясный солнечный свет, пробившийся после многодневных дождей, изливается на наш тайный мирок, состоящий из влажного тепла и пляшущей листвы. Бледные руки Ичжи укрыты лоскутным покровом из света и тени. Острые и яркие запахи весенней зелени такие насыщенные, что, кажется,

их можно черпать ложкой. Колени Ичжи — он даже на коленях сидит благопристойно и чопорно — держатся на крохотной, но непреодолимой дистанции от моих небрежно согнутых ног. Его роскошный наряд до нелепого контрастирует с моим — поношенной туникой и брюками из грубой домотканой материи. До нашей встречи я и представления не имела, что ткань может быть такой белой и мягкой.

Он начинает выщипывать быстрее. Это и правда больно, словно моя монобровь — живое существо, по кусочку раздираемое на две половины. Так что если я снова расплачусь, это не вызовет подозрений.

Мне не хотелось просить помощи у Ичжи, но я знала, что не смогу встать перед зеркалом и выщипать брови сама. Я думала бы только об одном человеке — моей старшей сестре, Жуи, а это очень больно. Я стану слишком похожа на нее без этой растительности, снижающей мою рыночную стоимость.

К тому же я себе не доверяю, ландшафтные работы — точно не мой конек. У меня ни за что не получились бы одинаковые брови. А с разными бровями — кому я нужна? Никто не завербует меня на неизбежную смерть.

Я пытаюсь отвлечься от жгучей боли, уткнувшись в планшет, лежащий на коленях Ичжи, и пролистывая заметки, которые он сделал в школе за месяц после нашей предыдущей встречи. Каждое прикосновение к экрану — действие еще более предосудительное, чем наше тайное свидание в приграничных горах среди зелени и весеннего тепла, чем тот факт, что мы вдыхаем один и тот же пахнущий землей, дурманящий воздух. Старейшины в моей деревне говорят, что девушкам нельзя прикасаться к этим божественным устройствам, поскольку мы оскверним их своей порочной женственностью или чем-то таким. Только благодаря богам в небесах технологии вроде этих планшетов были восстановлены после веков забвения. Но мне плевать на старейшин и на богов. Если они не уважают меня только за то, что

я оказалась в «неправильной» половине населения, то и я не намерена их уважать.

Экран сияет, как луна, на фоне затененного листьями халата Ичжи, прельщая меня знаниями, которые мне иметь не полагается, знаниями, пришедшими из мира за пределами убогой горной деревушки. Искусство. Наука. Хундуны. Хризалиды. У меня руки чешутся от желания придвинуть планшет поближе, но и он, и я должны оставаться на своих местах. Конус неоновых света изливается из выемки на планшете, проецируя на мое лицо идеальные брови. Ичжи и его потрясающие городские технологии никогда не разочаровывают. Я солгала, что семья выдала мне «последнее предупреждение» по поводу моноброви, и мой друг настроил эту штуку всего за несколько минут.

Интересно, как сильно он меня возненавидит, узнав, в чем помог мне на самом деле.

С веток на наши головы падают капли. Одна скользит по щеке Ичжи. Он так погружен в работу, что не замечает этого. Я смахиваю костяшками пальцев влажный мазок с его щеки.

Он испуганно распахивает глаза. Его холеная, почти прозрачная кожа заливается краской.

Не в силах сдержаться, я улыбаюсь. Расправляю ладонь, прикасаюсь к нему кончиками пальцев, подмигиваю.

— Ну как там? Мои брови неотразимы?

Ичжи раздражается смехом — более громким, чем обычно, потом прикрывает рот рукой и оглядывается, хотя мы надежно укрыты.

— Прекрати, — произносит он тише, избегая моего взгляда. Смех становится легким, как перышко. — Не мешай работать.

Его щеки наливаются румянцем все больше и больше, и меня охватывает чувство вины.

«Скажи ему», — умоляет мой мозг.

Но я лишь опускаю руку как можно небрежнее и переключаюсь на новый раздел его школьных заметок — статистический анализ динамики хундунских атак.

Я не подвергну опасности свою миссию, рассказав о ней Ичжи. Что бы он ни думал о наших отношениях, я не принимаю их слишком всерьез — это было бы ошибкой. Он сын самого богатого человека в Хуася, а я обычная девушка из приграничья, которую он встретил случайно, в поисках самого тихого и отдаленного места, куда можно добраться на планоцикле. Если нас застигнут, это не его затолкают в клетку для свиней и утопят во имя семейной чести. И не важно, что мы никогда не переступали черту, которую переступить нельзя.

Мое внимание переключается на его губы, взгляд скользит по их нежным изгибам, и я вспоминаю, как однажды с восхищением сказала ему, что они выглядят необычайно мягкими. Он признался, что такой эффект получается благодаря четырехступенчатой процедуре отшелушивания и увлажнения, и я расхохоталась до слез, а потом прикоснулась к его губам, и вдруг оказалось, что я уже не смеюсь, а просто смотрю в его глаза и стою слишком близко.

Тогда я немедленно отстранилась и сменила тему.

Какая-то беззащитная, уязвимая часть моего существа тоскует о том, что никогда не случится между нами. Но я не могу и не пытаюсь исключить вероятность, что для Ичжи это не более чем игра. Что я не единственная крестьянская девушка, которую он навещает в свободные дни. Что, наигравшись со мной, он не запахнет свои безупречные халаты и не рассмеется мне в лицо. Не рассмеется над тем, что ему удалось одурманить меня нежными улыбками и проникновенным шепотком, хотя для меня это вопрос жизни и смерти, а для него значит так мало.

Может, моя осторожность возбуждает его еще больше, именно поэтому он появляется в конце каждого месяца вот уже три года.

Может, я никогда не узнаю его истинных побуждений. Ну и не надо. Пока я не поддаюсь собственным чувствам, я в этой игре не проиграю.

Впрочем, будем реалистами: даже если вся деревня наткнется на нас в эту самую секунду, меня не утопят. Я наконец выполняю желание моих родичей: навожу красоту, чтобы они могли продать меня в армию на роль пилота-наложницы. Как они сделали с моей сестрой.

Разумеется, они не знают о моих грандиозных смертоносных планах.

Ичжи переключается на нижний край моих бровей, а мой палец висит над изображением битвы между хризалидой и хундуном. Хризалида — Белый Тигр — пропорционально сложенная, яркая, никогда не догадаешься, что она сделана из оболочки округлого, лишнего черт хундуна. Она изображена в своем Геройском Облике — высшей форме трансформации — и выглядит как человекоподобный тигр, сделанный из гладкого, молочно-белого стекла. Части, из которых состоят доспехи, обрамлены сияющими зелеными и черными каемками, размытыми, потому что хризалида поймана на снимке в движении — поднимает свой гэ¹ размером с дерево. Белый Тигр — фаворит в армии, его часто используют для рекламы, а мне смотреть на него даже утешительно. Юноша и девушка, которые им управляют, — Слаженная Пара. В их случае невелик риск того, что разум юноши поглотит разум девушки и убьет ее по окончании битвы.

¹ Гэ — один из видов колюще-рубящего древкового оружия, которое использовалось в Древнем Китае. Состоит из кинжалообразного лезвия из нефрита, бронзы, а позднее из железа, прикрепленного под прямым углом к деревянной рукоятке. Похож на косу или ледоруб.

В отличие от судьбы девушек-пилотов в большинстве других случаев.

Я боялась, что именно такая смерть настигнет мою старшую сестру, когда наша семейка заставила ее завербоваться в качестве пилота класса «Принц» — второго по мощности в табели о рангах. Но она даже не добралась до поля битвы. Пилот убил ее обычным, физическим способом. Не знаю за что. Семье вернули только ее прах. И вот уже восемьдесят один день они страшно горюют... потому что не получили крупную компенсацию за смерть в сражении. А ведь они так на нее рассчитывали.

Забавно. Старшую всю жизнь окружали заботой.

«Когда Жуи выйдет замуж?»

«А может, лучше пусть завербуетесь в армию?»

«Ох, не слишком ли долго Жуи просидела на солнце? Что-то она потемнела».

Но с того самого момента, как пришла весть о ее смерти, они перестали о ней вспоминать. Никто даже не спросил, что я сделала с прахом. Только Ичжи и я знаем, что ее прах унес ручей, около которого мы сидим. Это наша маленькая тайна — между ним, мной и ею.

Подняв глаза, я замечаю настоящую хризалиду бабочки, свисающую с ветки за спиной Ичжи. Боевые хризалиды названы так в их честь, потому что, как говорят, погибшие пилоты перевоплощаются в бабочек. Если это так, надеюсь, вот эта бабочка — не моя сестра. Надеюсь, она ушла далеко-далеко — туда, где до нее не дотянутся деревенские старейшины, сплетники, всюду сующие свой нос, и подонки пилоты.

Нарождающаяся бабочка вот уже некоторое время пытается выбраться из куколки, шевелясь под ее поверхностью. Наконец ей удастся прорвать оболочку. Вылезает головка, потом выскакивает покачивающийся усик. И в торжественном финале она выкарабкивается из куколки вся, как распустившийся цветок.

В наших лесах бабочки — обычное явление, так что в этом зрелище нет ничего особенного.

Но когда она расправляет крылышки, я замечаю, что рисунки на них разные.

— Ничего себе! — Я выпрямляю спину.

— Что? — Ичжи оглядывается через плечо.

— У этой бабочки разные крылья!

Ичжи удивленно хмыкает, а значит, такая бабочка — не типичное явление, о котором я не знаю только потому, что я простая приграничная крестьянка.

— Брови готовы, — сообщает он и поднимает планшет, чтобы снять бабочку на видео.

Наши глаза нас не обманули. Одно крыло черное с белой точкой, а другое белое с черной точкой — как символ инь-ян. Эти бабочки так и называются, но я никогда не видела, чтобы на их крыльях были одновременно инь и ян.

— Как такое возможно? — Я глупо таращу глаза.

— Ты знаешь, что делать, когда у тебя появляются вопросы, — с улыбкой отвечает Ичжи.

— Поняла, сейчас поищу.

Я открываю в планшете поисковик, как научил меня Ичжи. Пользоваться им несложно — нужно просто ввести ключевые слова моего вопроса. Но ошеломляющий результат не укладывается в голове. Всего лишь пара прикосновений — и ты получаешь доступ ко всем знаниям, которые городские ученые воссоздали из таинственных инструкций, сбрасываемых богами в обмен на достаточно большую дань.

Я сосредоточенно прищуриваюсь, просматривая научные статьи, появившиеся в результатах поиска. Читать их гораздо сложнее, чем школьные записи Ичжи, но я твердо намерена разобраться сама.

— Похоже, если у бабочки разные крылья, то она одновременно и самец, и самка. — Я изумленно распахиваю глаза. — Так бывает?

— О да, в природе биологический пол имеет множество вариаций. — Ичжи устраивается рядом со мной на бамбуковой циновке, подобрав полы халатов, чтобы они не лежали на серой земле. — Встречаются даже существа, которые меняют пол в зависимости от своих потребностей.

— Но мне говорили... — Я смаргиваю. — Мне говорили, что самки являются самками потому, что их изначальное ци базируется на инь, а самцы являются самцами потому, что их изначальное ци базируется на ян.

Инь и ян — противоположные силы, которые, смешавшись, породили Вселенную. Инь представляет все холодное, темное, медленное, пассивное и женственное. Ян представляет все горячее, светлое, быстрое, активное и мужественное.

По крайней мере, так мне говорила мать.

Ичжи пожимает плечами:

— Думаю, нет ничего окончательно застывшего. В ян всегда присутствует немного инь, и наоборот. Это отражено в самом символе. Я тут подумал и вспомнил, что иногда рождаются даже люди вроде этой бабочки, их пол невозможно определить.

Я распахиваю глаза еще шире.

— И в каком кресле будет сидеть такой человек, если станет пилотом?

В каждой хризалиде кресла расположены одинаково. Девушки садятся в нижнее, инь, а юноши позади них в сиденье, расположенное повыше, — ян — и обхватывают напарниц руками.

Ичжи барабанит пальцами по циновке. Его тонкие брови задумчиво сдвинуты.

— Наверное, в кресле того пола, который им ближе?

— И что тогда? В какой-то момент кресло перестанет работать? — упорствую я. — Нам же говорят, что система управления строится на различиях между полами. Разве

пилотирование идет не из психики? Тогда почему всегда жертвуют только девушками?

— Я... я не знаю.

Я склоняюсь над планшетом, ища обоснованный ответ, но наталкиваюсь на красный предупредительный баннер:
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО
ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

— Ты не найдешь в открытых источниках ничего, связанного с конструкцией хризалид. Нельзя допустить, чтобы люди строили их самовольно.

Ичжи забирает у меня планшет.

Я отдаю его без сопротивления и устремляю взгляд на бабочку с крыльями инь и ян.

Женщина. Этот ярлык не дает мне ничего, кроме подчиненного положения, когда мне диктуют, что можно, а что нельзя. Никуда не выходи без разрешения. Не носи открытую одежду. Не разговаривай слишком громко или нелюбезно, вообще помалкивай, когда говорят мужчины. Всю жизнь думай только о том, насколько ты приятна глазу. Никакого будущего, знай рожай мужу сыновей или умри в хризалиде, отдав всю свою энергию кому-то другому, к вящей его славе.

Все мое существо словно бы сковано слишком тесным коконом. Будь моя воля, я бы жила подобно этой бабочке — так, чтобы посторонним было нелегко навесить на меня немудреный ярлык.

— Ичжи, а ты веришь, что девушки от природы расположены к самопожертвованию? — бормочу я.

— Ну, это вряд ли. Ты вот девушка, но тебя ни за что не заставишь пойти на жертвы.

— Эй! — Сквозь мрачную задумчивость прорывается смех.

— А что? В чем я не прав? — Он упирается ладонями в бедра.

— Ладно, ладно! Ты прав. — Мое лицо растягивается в широченной улыбке.

Но потом кончики моего рта опускаются.

Я не хочу жить и страдать ради кого-то другого. Я погибну, мстя за сестру.

Ичжи улыбается, ничего не заметив.

— Впрочем, честно говоря, нет ничего плохого в том, чтобы ценить свою жизнь. Бороться за то, чего ты хочешь. По-моему, это достойно восхищения.

— Ого, — вяло фыркаю я. — Тебя настолько околдовали мои новые брови?

Ичжи смеется.

— Мне не хватит храбрости солгать тебе, а потому вынужден признать — ты действительно похорошела. В общепринятом смысле. — Его улыбка смягчается. Глаза вспыхивают в лоскутных тенях, как ночные пруды, в которых отражаются звезды. — Но ты все та же Цзэтянь, которую я знаю. По-моему, ты самая сногшибательная девушка в мире, как бы ты ни выглядела.

По моему сжавшемуся сердцу пробегает трещина.

Я не могу. Я не могу уйти, не сказав правду.

— Ичжи, — произношу я голосом темным, как дым.

— Прости, кажется, я... О нет. Это было слишком? — Он испускает смущенный смешок. — Насколько неуютно ты себя почувствовала по шкале от одного до...

— Ичжи. — Я хватаю его за руки, словно это поможет подготовить его к тому, что сейчас произойдет.

Он умолкает, озадаченно глядя на наши сомкнутые руки.

И я решаюсь:

— Я завербовалась в наложницы к пилоту.

Он роняет челюсть.

— К какому пилоту?

Я открываю рот, но не могу выплюнуть имя этого ублюдка.

— К тому самому.

Он заглядывает мне в глаза.

— Ян Гуану?

Я киваю. На моем лице не осталось и капельки тепла.

— Цзэтянь, он убил твою сестру!

— Именно поэтому. — Я отпускаю руки Ичжи и вытягиваю из волос длинную деревянную шпильку. — Я стану его наложницей, прекрасной и пылкой. А потом, — я разнимаю шпильку, демонстрируя острый наконечник, спрятанный внутри, — перережу ему горло, пока он спит.